

Когда Эмюса грубо швырнули на холодный металлический пол тюремной камеры, его затылок с тяжелым стуком ударился о покрытие, и перед глазами на мгновение поплыла тьма.

Зрение еще не успело проясниться, а уши уже наполнил гул, перемешанный с издевками и бранью.

Эмюс, опираясь на локти, попытался приподняться, но Б-318 Трак уже оттолкнул столпившихся вокруг заключенных и направился к нему. Он подошел вплотную и поставил ногу прямо у руки Эмюса.

— Ну надо же, какой запах! За версту несет этой дрянью! — прорычал он.

— Видать, тюремный надзиратель тебя на «добавку» вызывал? Ноги-то от удовольствия заплетаются?

— Хватит притворяться дохлой собакой! Вставай!

Кто-то из них с силой пнул его в бок. Эмюс глухо застонал, свернувшись калачиком; к горлу подступила тошнота. И дело было не только в боли — это постоянная слабость и дурнота были следствием того, что Сыкадило проделал с его железой.

После того как феромоны были насильственно активированы, они стали пугающе чувствительными и неуправляемыми. Сейчас, когда они просачивались наружу, в сладком аромате туберозы отчетливо чувствовалась горечь раздавленных лепестков. Этот запах лишь сильнее распалял банду цы-чунов.

— Черт! А ведь цепляет, гад! — Трак сплюнул, присел и, ухватив Эмюса за потные волосы, с силой заставил его поднять голову. — Раньше-то какой гордый был, а? Ранг двойной S? Генерал-майор? А теперь что, валяешься тут, как течная сука?

Темно-синие глаза Эмюса на мгновение затуманились, но он с трудом сфокусировал взгляд и холодно уставился на обидчика. В этом взгляде не было ни мольбы, ни страха — лишь ледяная, мертвая ненависть. И это спокойствие явно вывело противника из себя.

— Ах ты тварь! Еще и зенки на меня пялишь?!

Трак на секунду оробел, но, заметив, как дрожат пальцы Эмюса, вновь набрался храбрости. Раньше они боялись его силы, но теперь... Трак, распаляясь от собственной ярости, с размаху ударил его кулаком в лицо.

— Бах!

Глухой звук удара не был громким, но голова Эмюса дернулась в сторону. На бледной щеке мгновенно выступил красный след, а из уголка рта потекла струйка крови. Он лизнул разбитую

губу, чувствуя вкус железа.

В следующую секунду по всему телу разлилась тупая боль — удары посыпались градом, в основном по животу и спине, где следы побоев не так заметны. Эти цы-чуны знали свое дело.

— Слыхал, семья Эллер от тебя отказалась? Ха-ха-ха! Никчемный мусор!

— Видать, какой-то дикий самец жуков поиграл с тобой, да и выкинул, как ветошь?

Эмюс инстинктивно сжался, прикрывая тело руками. Сквозь растрепанные волосы он видел вокруг себя искаженные насмешкой лица.

— Гордость Империи? Тьфу! Да ты теперь хуже цепного пса!

Пальцы Эмюса дрожали от напряжения, но тело было настолько обессилено, что даже попытка закрыться казалась бессмысленной. Трак уже занес ногу, чтобы ударить Эмюса по ребрам, как вдруг —

— БУМ!!!

Раздался оглушительный грохот!

Тяжелая металлическая дверь камеры, словно лист бумаги, сорвалась с петель и под напором чудовищной силы влетела прямо в толпу!

— А-а-а!

— Черт!

Раздались крики. Половина цы-чунов, стоявших вокруг Эмюса, даже не успели среагировать, как их смело стальной плитой. Те, кого отбросило на стены или койки, издали хруст костей и глухие стоны, и мгновенно в камере воцарился хаос.

В помещении наступила мертвая тишина. Все жуки, даже те, кто пытался подняться, замерли в ужасе, глядя на проход.

Из облака пыли, сквозь холодный свет тюремных прожекторов, выступил стройный, высокий силуэт. Се Ижань стоял в дверях, слегка повернувшись вполборота. Его поза была небрежной, словно он только что не выбил ногой укрепленную металлическую дверь, а просто стряхнул пылинку.

Свет и тень, игравшие на его фигуре, придавали ему почти демонический, нереальный облик, а

темно-зеленые глаза с давящей силой сканировали камеру, пока не остановились на избитом Эмюсе. Опухшая щека, кровь на губах... Давление вокруг Се Ижання стало еще тяжелее.

Эмюс, подняв голову, смотрел на этот силуэт сквозь мокрые от пота ресницы. В этот момент сердце его пропустило удар, на мгновение он погрузился в оцепенение и... абсурдное замешательство.

Это он... Как он здесь оказался?

Стоявшие позади Се Ижання охранники растерянно держались за электрошокеры, но никто из них не осмелился шагнуть вперед. В их глазах читалось замешательство и глубокий страх. Эта мощь не была присуща ни одному известному им самцу жуков. Однако густой, безошибочно узнаваемый аромат черного чая не оставлял сомнений в его благородном происхождении. Это противоречие заставило охранников застыть на месте.

Се Ижань вошел в камеру, не скрываясь. Он шагал длинными ногами, в его походке чувствовалось раздражение, словно каждая секунда в этом месте была для него невыносима. Не колеблясь, он прошел сквозь хаос и остановился прямо перед Эмюсом.

Се Ижань смотрел на него сверху вниз. Его темно-зеленые глаза, словно отравленные изумруды, медленно скользили по опухшему лицу, разбитым губам и грязным следам от ботинок на тюремной робе. Стоны и крики вокруг казались теперь лишь фоновым шумом.

Трак, корчась от боли и страха, попытался отползти.

— Ты... кто ты такой?! Что ты такое...

Се Ижань даже не обернулся. Он лишь небрежно махнул рукой назад.

— Бах!

Трак мгновенно отлетел в сторону, с глухим ударом врезался в металлическую койку и затих. В тот же миг все цы-чуны в камере почувствовали мощнейший всплеск духовной силы и окончательно притихли. Слышно было лишь прерывистое, сдавленное дыхание Эмюса.

Се Ижань медленно опустился на корточки, но его взгляд все еще оставался выше взгляда Эмюса. Он протянул руку, обхватил подбородок Эмюса и коснулся пальцем крови на его губе. Движение было едва ли нежным, скорее — изучающим.

Эмюс дернулся, пытаясь уклониться, но из-за слабости и невидимого давления, исходившего от пальцев самца, не смог пошевелиться. Ему оставалось лишь терпеть, как шершавая подушечка пальца проводит по коже, вызывая жгучую боль и... невыразимую дрожь.

— Ц-ц.

Се Ижань посмотрел на каплю крови на своем пальце и недовольно нахмурился, но голос его оставался ровным и спокойным:

— Генерал-майор, стоило мне отвернуться на минуту, как вы уже довели себя до такого состояния?

Ресницы Эмюса задрожали, в темно-синих глазах промелькнул проблеск сознания. Он видел перед собой это красивое, но такое злое лицо. Сцепив зубы, он, опираясь на руки, сел и с силой оттолкнул руку Се Ижана. Хотя его движение было слабым и безобидным.

— Убирайся... — прохрипел он, едва выдавливая слова из горла.

Се Ижань приподнял бровь. Он не разозлился — напротив, в его глазах вспыхнул еще больший интерес. Он перехватил запястье Эмюса — кожа того была ледяной и все еще мелко дрожала, совсем не так, как его собственные губы.

— Убираться? — усмехнулся Се Ижань, а другой рукой внезапно потянулся к затылку Эмюса, прямо к той самой, все еще воспаленной и горячей железе, которую «обработал» Сыкадило.

Он прекрасно знал, чего хочет, и еще лучше знал, как этого добиться.

— А-а-а! — Эмюс вздрогнул от неожиданности, не сдержав короткого стога, и его тело мгновенно обмякло, завалившись прямо на грудь Се Ижана.

— Хм... — В момент падения в объятия, вместе с густым ароматом черного чая, до его чувств донесся довольный, насмешливый смешок Се Ижана.

<http://bllate.org/book/20053/1982467>